

ПРЕДМЕТНАЯ МЕТАФОРА В КИНОТЕКСТЕ (НА ПРИМЕРЕ КИНОФИЛЬМОВ Э. РЯЗАНОВА)

Ли Янь

К.филол.н., Санкт-Петербургский государственный
университет
feizaidemami@yandex.ru

OBJECTIVE METAPHOR IN KINOTEXT (BY THE EXAMPLE OF FILMS OF E. RYAZANOV)

Li Yan

Summary: The article deals with the consideration of the features of the functioning of objective metaphors in the texts of films directed by E. Ryzanov. Objective metaphors are identified and analyzed within the framework of the cognitive approach, with the help of which intangible objects, such as speech, thought, soul, emotion, state and ability of a person, are modeled in the image of objects that actually exist in our world. We see that this type of conceptual metaphor, based on the life and cultural experience of a person, reflects the specifics of the presentation of this language collective about the surrounding reality. This helps students of a foreign audience to better imagine the Russian language picture of the world.

Keywords: objective metaphor, objectification, kinotext, linguistic view of the world.

Аннотация: Данная статья посвящена рассмотрению особенности функционирования предметных метафор в текстах кинофильмов под режиссерством Э. Рязанова. Выделены и проанализированы в рамках когнитивного подхода предметные метафоры, при помощи которых нематериальные объекты, такие как речь, мысль, душа, эмоция, состояние и способность человека, моделируются в образе объектов, реально существующих в нашем мире. Мы видим, что такой тип концептуальной метафоры, основанный на жизненном и культурном опыте человека, отражает специфику представления данного языкового коллектива об окружающей действительности. Это помогает учащимся иностранной аудитории лучше представить русскую языковую картину мира.

Ключевые слова: предметная метафора, опредмечивание, кинотекст, языковая картина мира.

Суть метафоры как важного языкового феномена всегда находится в фокусе внимания как представителей разных наук, так и их создателей – писателей, поэтов, кинематографистов, рекламистов и т.д. Обилие литературы по различным научным направлениям, которая посвящена метафоре, свидетельствует о необычайной многогранности этого понятия. Метафора занимает особое место в исследовании когнитивной лингвистики. Интерес к изучению метафоры с точки зрения когнитивной науки объясняется тем, что метафора выступает фундаментальной когнитивной операцией, обеспечивающей перенос образных схем из одной концептуальной схемы в другую [3, с. 13].

В современном научном дискурсе все более интенсивно изучаются креолизованные тексты, состоящие из вербальной и невербальной частей [5, с. 180–181]. Среди центральных в культуре креолизованных текстов ведущее место занимает кинотекст [1, с. 48]. Г.Г. Слышкин и М.А. Ефремова определяют данный тип текста как сообщение, выраженное при помощи вербальных и невербальных знаков, организованное в соответствии с замыслом коллективного автора, предназначенное для воспроизведения на экране аудиовизуального восприятия зрителями [4, с. 32]. Данная статья посвящена изучению особенности функционирования предметных метафор в фильмах под режиссерством Э. Рязанова.

Отметим, что языковые явления в российских кинопроизведениях не были достаточно изучены и они заслуживают углубленного и всестороннего изучения с лингвистической точки зрения. Материалом для статьи служит набор метафорических контекстов, извлеченных из рассмотренных нами фильмов.

В рамках предметной метафоры нематериальный объект переосмысливается как объект, реально существующий в нашем мире. Следует упомянуть, что в данной работе рассматриваются лишь метафоры, источником которых является нечеловеческое существо материального мира. Так, объективизация речи, производимой человеком, в виде конкретного предмета, реализуется в ряде метафорических высказываний в текстах фильмов нашего режиссера. Слово представляется как нечто, что можно дать, предоставить: «Мы вам дадим слово! Вот сейчас мы все уйдем, ...тогда выступайте, сколько заблагорассудится!» («Гараж», 1979); «Предоставляю слово товарищу Малаевой, ...только говорите быстрее, не размазывайте» («Гараж», 1979). Устойчивое выражение «дать / предоставлять кому-либо слово» передает смысл «разрешать кому-либо произносить речь».

Слово также рассматривается как вещь, которую можно найти, взять, подобрать. Приведем примеры: «По пятам за ней ходил, глаз влюбленных не сводил, только

нужных слов не находил» («Карнавальная ночь», 1956); «– Право даже не знаю, как Вас благодарить! Уж и слово не подберу. – Ну, пустое» («Жестокий романс», 1984); «Ты меня не учи, я такие слова подберу, сейчас им жалко будет» («Дайте жалобную книгу», 1965); «– Гриша, я беру все свои слова обратно! – Какие слова?» («Карнавальная ночь», 1956). В повседневной жизни когда человек от волнения, восторга, умиления и т.д. затрудняется выражать свои мысли и чувства словами, он часто прибегает к помощи выражений типа «невозможно найти нужных слов», «невозможно подобрать слов». Подходящие слова в этих словосочетаниях фигурируют как вещественные объекты, которые трудно приобрести, выбрать из всех существующих. Слово не только, как выше сказано, можно давать, но и можно брать обратно. Когда мы говорим «берем свои слова обратно», то это значит, что мы признаем то, что сказано ранее, ошибочным.

Мы еще можем толчком заставлять речь двигаться в каком-либо направлении: «– Ну дайте же мне толкнуть речь! – Дома толкайте, сколько хотите» («Гараж», 1979). Метафорическое выражение «толкать речь», употребляемое, как правило, в разговорной речи, обозначает не что иное, как «выступать с речью». Кроме того, слово воспринимается как сущность, сделанная из золота: «– Мы должны добиться, чтобы у них всегда было хорошее настроение. – Золотые слова! Татьяна Александровна» («Дайте жалобную книгу», 1965). Это метафорическое словосочетание говорит об умных, полезных высказываниях. Определенное нереально существующего объекта иногда осуществляется посредством перцептивной метафоры. Согласно определению В.В. Гридасова, перцептивная метафора представляет собой метафору, основанную на чувственно-воспринимаемых признаках [2, с. 2]. Отметим, что в кинотекстах Э. Рязанова распространена перцептивная метафора, которая приписывает признак предмету с помощью имени прилагательного. Эти имена прилагательные по содержанию могут относиться к разным сферам восприятия, например, к вкусовой: «Люди будут обмануты в своих надеждах. Какая та все-таки горькая шутка» («Человек ниоткуда», 1961). В рамках перцептивной метафоры слово «шутка» как высказывание юмористического содержания осознается как еда, имеющая определенный вкус. Горькая шутка – это такая шутка, легче от которой не стало. Некоторые имена прилагательные по смыслу соотнесены с осязательным восприятием. Температурный признак может составить основу метафорического переноса следующего предложения: «Татьяна Александровна, скажи коллективу пару теплых слов» («Дайте жалобную книгу», 1965). Слово здесь приобретает температуру.

В кинотексте опредмечиванию подвергаются не только словесные выражения мысли, идеи (речь), но и сама мысль, идея. Отметим, что в применении предметной метафоры человек может коснуться как речи, так и мыс-

ли, идеи. Например, человек может толчком заставить другого коснуться идеи: «Слушай, Серёжа, этот дед на толкнул меня на очень интересную идею!» («Карнавальная ночь», 1956). Порождение у человека идеи ассоциируется с прикосновением идеи. Мысль как какое-либо реальное существо можно принести: «Что он может ей принести? свои вялые мысли, свои унылые рассудительности, свое самоудовольствие?» («Человек ниоткуда», 1961). Здесь область источника конкретизируется, она не указывает на материальную сущность вообще, а именно на существо живого мира – растение (вялое). Под вялыми мыслями подразумеваются те мысли, которые вызывают у человека пассивную эмоцию. Мы также способны давать идею, поднося. В качестве примера приводится следующая реплика: «Такая иллюзия движения. Это еще американец Колдер подал идею “Мобиль”» («Служебный роман», 1977). Мысль осмысливается как нечто, которое излучает свет: «Приударить за мной, чтобы получить должность – разве это не блестящая идея» («Служебный роман», 1977). Блестящая идея интерпретируется как отличная, замечательная идея. Рассмотрим ещё одну иллюстрацию предметной метафоры, употребляемой в кинотексте для концептуализации человеческой мысли: «– Вот моя докладная, как ты смеешь, это сгусток моих мыслей. – Твои мысли прекрасно горят» («Человек ниоткуда», 1961). В данном примере один участник диалога представляет написанный им текст сгустком его мыслей. Мысли при этом ассоциируются с какой-либо жидкостью или раствором. А другой участник говорит о мысли как о материальной сущности, которая может гореть.

В кинотексте абстрактные понятия «сердце», «душа» также способны наделяться признаками предмета. Сердце, душа может подвергаться действию огня: «Максим был вне себя. Воспоминания жгли его сердце. Как ловко скрывал Деточкин свой интерес к розыску главаря! Лицемер!» («Берегись автомобиля», 1966). Здесь параллельно наблюдается метафорическое моделирование воспоминания. Как только следовательно вспоминает, как обманывает свой друг Деточкин, как он скрывает от окружающих людей свои преступления, следовательно показалось, что свое сердце страдает от обжигания. Словосочетание «жечь чье-либо сердце» означает не что иное, как «мучить кого-либо». Другой пример взят из рязановского фильма «Человек ниоткуда» (1961): «Может быть, я виноват, товарищ председатель, но душа горит».

Сердце, подобно некоему предмету, имеет поверхности, на которых можно оставить слова или какой-либо след: «Вы, чьи глаза, как бриллианты, на сердце вырезали след, – очаровательные франты, очаровательные франты, минувших лет!» («О бедном гусаре замолвите слово», 1980). Примером также может служить контекст из фильма под совместным режиссерством Э. Рязанова и Л. Дербышева «Дорога имени Октября» (1951): «Пламенем написано на сердце: Родина моя – СССР». То, что оказалось на

поверхности сердца, имеет весьма важное значение для самого человека. Сердце также воплощается в образе товара, имеющего определенную цену. Оно может обладать высокой ценностью: «Как посмел ты красавицу эту, драгоценную душу твою, отпустить, отпустить, отпустить, чтоб скиталась по свету, чтоб погибла в далеком краю?» («Служебный роман», 1977). Сердце, душа может стать объектом действия: «... И только душу захлестнуло» («Ключ от спальни», 2003); «... сжимает сердце, голова пьяна» («Старые клячи», 2000). В этих случаях сердце в некоторой степени рассматривается как вещь затянута или сжатая.

Иногда различные человеческие эмоции и душевные состояния описываются посредством предметной метафоры. Спокойное состояние человека как предмет можно приобрести или потерять: «Мне и грустно и тревожно, потеряла я покой» («Девушка без адреса», 1957). Состояние равнодушного человека уподобляется тому, что образовано из льда или холодно как лед: «Её прекрасные серые глаза излучали ледяное равнодушие» («Дайте жалобную книгу», 1965). Положительно окрашенные эмоции человека, такие как гордость, надежда, могут опредмечиваться: «Сохраните свою гордость и статью. И за зря не надо мать поминать!» («Старые клячи», 2000); «Вы, наверное, думаете, что они только мороженое подают, а они подают большие надежды» («Карнавальная ночь», 1956).

Свойства предметности возможно придать и разным способностям человека. Так, способность логически и творчески мыслить может быть покрытой чем-либо: «Мистические облака обволакивают мой разум, что-то потустороннее водит моим талантливым пером» («Ключ от спальни», 2003). Здесь предметная метафора служит увеличению эстетичности высказывания. Способность терпеть предстает в сознании киноперсонажа в образе предмета, который может разорваться: «Лопнуло мое терпение в конце концов» («Человек ниоткуда», 1961).

Понятия, связанные с достоинством или влиянием

личности, метафоризируются в кинофильмах Э. Рязанова при помощи опредмечивания: «Когда в руках у порядочного человека находится честь порядочной женщины, он обязан ее беречь!» («Ключ от спальни», 2003); «Вышеназванные товарищи позволили себе подорвать мой авторитет» («Карнавальная ночь», 1956). Авторитет человека аналогичен сущности, которая может быть разрушена взрывом.

Некоторые фильмы Э. Рязанова, снятые в советские времена, особенно в период оттепели, по сюжету соотносятся с социально-политической обстановкой в тогдашнем обществе. Ярким примером является фильм «Дайте жалобную книгу» (1965). В нем многие метафоры, в том числе предметные, участвуют в выражении отношения массового народа к общественным событиям того времени. Приведем реплики из упомянутого фильма «– Поймите же, что ломка старых, прямо скажем, не лучших традиций. – Это не ломка традиций, Юрий Васильевич, это ломка государственного имущества, самоуправство». В данном диалоге традиция осмысливается как некая постройка, а устаревшая, отсталая традиция – как постройка, которую пора снести.

Таким образом, можно заключить, что нематериальные сущности, такие как речь, мысль, душа, эмоция, состояние, способность человека, в текстах кинофильмов Э. Рязанова метафорически моделируются в образе материальных объектов. Среди проанализированных метафорических моделей наиболее частотной по количеству контекстов употребления является метафорическая проекция «речь, слова – это предмет». Мы видим, что концептуальные метафоры, в том числе предметные метафоры, основанные на жизненном и культурном опыте человека, отражают специфику представления данного языкового коллектива об окружающей действительности. Изучение сюжетов классических фильмов и языковых явлений в них позволяет учащимся иностранной аудитории создавать более полное и всеобъемлющее представление о русской языковой картине мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ворошилова М.Б. Политический креолизованный текст: ключи к прочтению. Моногр. Екатеринбург: УрГПУ, 2013. 194 с.
2. Гридасов, В.В. Перцептивная метафора как лексико-семантическая категория: на материале современного немецкого языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10. 02. 04 / В.В. Гридасов; Барнаул. гос. пед. ун-т. Барнаул, 1999. 16 с.
3. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику. М.: Флинта, 2007. 296 с.
4. Слышкин Г.Г., Ефремова М.А. Кинотекст (опыт лингвокультурологического анализа). М.: Водолей Publishers, 2004. 153 с.
5. Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. М.: Наука, 1990. С. 180–186.

© Ли Янь (feizaidemami@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»